Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Наталья Иванова: «Молчание – не всегда знак согласия»

09.10.2024.

Наталья Иванова Photo © N. Sikorsky

На прошлой неделе известная российская писательница, литературный критик, эссеист, доктор филологических наук, первый заместитель главного редактора журнала «Знамя» и пр. прочитала на встрече Русского кружка Женевского университета лекцию на тему «Эзопов язык в современной русской литературе».

Наталья Борисовна Иванова – человек в Швейцарии известный. И не только в Русском кружке, где она выступала уже несколько раз. О том, что она – знаковая фигура современного литературного процесса и вообще авторитет, свидетельствовало, в частности, то, что шесть профессоров Женевского университета и один – Лозаннского сидели за партами аудитории на бульваре Философов и прилежно

конспектировали ее рассказ. Мы занимались тем же.

Гостью представил один из основателей Русского кружка, хорошо известный всем вам профессор-славист Жорж Нива. Представил коротенько, минут на пятнадцать, и это вступительное слово можно было бы опубликовать как самостоятельное эссе «О жизни и творчестве Натальи Ивановой». Представил очень душевно – да, старинным друзьям и коллегам есть что вспомнить, от многочисленных встреч в разных уголках земли до совместного выхода в космос. Видно было, что говорить профессор мог еще долго и с удовольствием, но он все же предоставил слово приглашенному лектору.

Диалог между Натальей Ивановой И Жоржем Нива продолжается уже 35 лет. И они не могут наговориться! © NashaGazeta

«Что такое эзопов язык, я объяснять присутствующим, конечно, не буду – это тайнопись, которая присутствует почти постоянно на протяжении советской и постсоветской литературы. Это договор о понимании между писателем и читателем, согласно которому читатель умеет читать между строк, а писатель умеет писать так, чтобы читатель между строк дошел до смысла сказанного и утаянного», - с таких слов начала свое выступление Наталья Борисовна, обратив внимание аудитории на недавно вышедшую книгу Льва Лосева «Эзопов язык в литературе».

Нашим читателем также нет необходимости объяснять, что такое эзопов язык, а потому вдогонку этому «не-объяснению» Натальи Ивановой мы добавим лишь, что древнегреческий поэт-баснописец Эзоп, предположительно живший около 600 года до нашей эры, по социальному своему статусу был рабом, а потому не мог критиковать своих господ открытым текстом и придумал заменять людей на животных с соответствующими характеристиками. Наверное, первыми среди последователей древнего грека вам вспомнятся Лафонтен и Крылов, которые, хоть и не были рабами, догнали, а то и перегнали своего Учителя. Но последователей у Эзопа гораздо больше. В русской литературе, как можно узнать в любом справочнике, традиция использования эзопова языка начала формироваться с конца XVIII века, то есть именно с того момента, когда Екатерина Вторая официально учредила институт цензуры и профессию цензора. Само же выражение «эзопов язык» первым в нашей стране использовал М. Е. Салтыков-Щедрин, выдающийся мастер этого приема. И выражение, и обозначаемый им литературный прием прижились, поскольку с отменой крепостного права интеллектуальное рабство не исчезло, и надо было изыскивать способы обходить все новые запреты и препоны.

*В русской литературе традиция использования эзопова языка начала формироваться с конца XVIII века, то есть именно с того момента, когда Екатерина Вторая официально учредила институт цензуры и профессию цензора. Само же выражение «эзопов язык» первым в нашей стране использовал М. Е. Салтыков-Щедрин, выдающийся мастер этого приема. И выражение, и обозначаемый им литературный прием прижились, поскольку с отменой крепостного права интеллектуальное рабство не исчезло, и надо было изыскивать способы обходить все новые запреты и препоны.*Лекция Натальи Ивановой стала мастер-классом не просто виртуозного владения материалом, как принято говорить, но и полного вживания в него, жизни в нем: эти легкие и естественные переходы от одного светлого имени к другому, это обилие-изобилие цитат, тонких параллелей, сравнений и противопоставлений, это аккуратное подведение слушателя к уже кажущимся очевидным выводам… Не знаем, что записывали профессора, а «простые смертные» в аудитории помечали

имена авторов и названия произведений, возможно, ускользнувших от их внимания, но теперь вносимых в список обязательного чтения. Автор же этих строк, слушая Наталью Иванову, вспоминала лекции по древнегреческой литературе профессора Е. П. Кучборской – было полное ощущение, что в Коммунистическую аудиторию журфака МГУ она являлась сразу после очередных посиделок с Гомером (или с Эзопом) и горела желанием вывалить на нас, студентов, свежие новости про похождения Одиссея. А новостей-то было!..

Так и тут. Первым упомянутым Натальей Борисовной автором стал Юрий Трифонов – герой ее первой книги и кандидатской диссертации: при том, что ни в одном из романов Трифонова, опубликованных при жизни, Сталин не упоминался, каждый читатель прекрасно понимал, о чем шла речь.

Процесс обхода цензуры начался в современной русской литературе в 1921 году, когда Евгений Замятин написал роман «Мы». Каким образом? «Конечно, индивидуальными средствами у каждого писателя, - объясняет Наталья Иванова. – Многие приемы цензура раскусывала и месяцами задерживала выпуск журналов. В театре же Юрия Любимова, например, ставили спектакли, в которых тщательно спрятанное прочитывалось зрителями на ура, а цензорами иногда не виделось, и спектакль получал право на существование. Это приводило к тому, что писатели как-то договаривались со временем, а не только с читателем, выстраивая стратегию своего поведения и тактику взаимоотношений с аудиторией».

Логично, что в продолжение этих слов в аудитории Женевского университета прозвучало написанное в 1970-е годы стихотворение Александра Кушнера «Времена не выбирают», в котором прозрачно используется эзопов язык. «Эзопов язык здесь говорит о стоицизме, которым должен обладать человек, творящий в стране в советское время».

Неожиданно откликнулся на тактику Кушнера Иосиф Бродский, написав «Письмо в оазис», начинающееся словами «Не надо обо мне» и тоже написанное эзоповым языком. «Интересно, что Бродский говорит с Кушнером метафорами, намеками, басенными образами, хотя он совершенно не обязан был использовать эзопов язык, а мог прямо сказать, что думает. Известно, что в одном из своих эссе Бродский написал похвалу эзопову языку, дававшему возможности художественного управления собственной мыслью и приносившему художественные результаты, в том числе и в литературе советского периода. И постсоветского», - комментирует Наталья Иванова, плавно переходя к «Охранной грамоте» Бориса Пастернака, в которой, в 1929-1930 годы, поэт говорит о своем, описывая Венецию. Следует цитата: «Кругом – львиные морды, всюду мерещащиеся, сующиеся во все интимности, все обнюхивающие, – львиные пасти, тайно сглатывающие у себя в берлоге за жизнью жизнь. Кругом львиный рык мнимого бессмертия. Все бессмертное у него в руках и взято на крепкий львиный повод. Все это чувствуют, все это терпят».

Вот он, венецианский "ящик для доносов". © NashaGazeta

Бывавшие в Венеции видели, конечно, эти львиные морды, в щели-рты которых добропорядочные граждане приглашались опускать доносы против тех, кто не почитал святую церковь. «Редакция журнала «Звезда», которая напечатала «Охранную грамоту», прекрасно понимала смысл», - подчеркивает Наталья Борисовна, цитируя еще и пропитанное эзоповым языком стихотворение Бориса

Пастернака о самоубийстве «Рослый стрелок» с пронзительной строкой «Дай мне подняться над смертью позорной…»

«Эзопов язык мог скрываться и за литературным переводом», напоминает Наталья Иванова, приводя в пример стихотворение «Подражание армянскому» Анны Ахматовой («Я приснюсь тебе черной овцою»), написанное, когда Льва Гумилева посадили в очередной раз, и напечатанное только после ее смерти в 1966 году, в журнале «Радио и телевидение».

Напомнила Наталья Борисовна и том, что в 2025 году мы будем отмечать («или вспоминать») 90-летие Международного конгресса писателей в защиту культуры в Париже, который Наша Газета уже имела повод упоминать, и на котором Пастернак произнес легендарную фразу «Поэзия валяется в траве…», после которой зал встал, и призвал к не объединению, а к независимости творческой личности. «Кто услышал – тот услышал».

«Молчание многих писателей в 30-е годы было знаком несогласия с тем, что происходит, как и смена ими привычных жанров была формой выражения их позиции», - заявляет Наталья Иванова, и мы слышим в этом заявлении ответ тем, кто, не рискуя замахнуться на «классиков», легко бросает сегодня камни в своих современников, оказавшихся в схожей ситуации.

*Молчание многих писателей в 30-е годы было знаком несогласия с тем, что происходит, как и смена ими привычных жанров была формой выражения их позиции*Борис Пастернак и «Доктор Живаго», Анна Ахматова и «Поэма без героя», Андрей Платонов и его литературная критика, Юрий Тынянов и «Поручик Киже», книга Аркадия Белинкова о Юрии Тынянове, в которой автор «изобрел эзопов язык второй степени», и его же «Сдача и гибель советского интеллигента» о Юрии Олеше, стихотворение Николая Заболоцкого «Оттепель», опубликованное в №10 «Нового мира» за 1953 год – вот лишь несколько литературных «шифровальщиков», перечисленных в лекции Натальи Ивановой, к которым добавились имена шифровальщиков театральных – Юрия Любимова, Анатолия Эфроса, Георгия Товстоногова с его гениальным «Горем от ума» 1962 года, запись которого можно найти в интернете. «Эзоповские приемы и написанные с их помощью тексты могли быть восприняты людьми, живущими на Западе, как рабская манера письма, но для публики, читавшей и расшифровавшей их в России, они были, по названию романа Булата Окуджавы, «глотком свободы»: я – свободный человек, я могу прочитать то послание, которое другой свободный человек зашифровал и переслал мне».

За этой ключевой фразой в лекции Натальи Ивановой последовал новый список имен и названий, каждое из которых сопровождалось интереснейшими комментариями: Евгений Маркин и его стихотворение «Бакенщик» с героем Исаичем, исторические фантазии Булата Окуджавы и роман Юрия Давыдова «Глухая пора листопада», роман 1972 года «Нетерпение» Юрия Трифонова, Фазиль Искандер с его «Созвездием Козлотура», смехом против страха и изобретением понятия «застой» в смысле «время, в котором стоим», Георгий Владимов и его «Верный Руслан»…

© NashaGazeta

«Наступление периода «перестройки и гласности» (тоже, между прочим, эзопов язык Горбачева, – помню, я настойчиво спрашивала: перестройки чего?) было, с одной

стороны, эйфорическим временем, ибо все ранние произведения, либо обкорнанные, либо полу- или совсем запрещенные, были напечатаны, а с другой стороны сама проза перешла к прямой речи», – отмечает Наталья Иванова, указывая на повести Сергея Каледина, и признает, что «эта прямая речь давала читателю гораздо меньше, чем, например, рассказы Владимира Маканина, продолжавшего писать на эзоповом языке». В одном из этих рассказов, «Лаз», герой, обдирая кожу, спускается через люк под поверхность полного опасностей города, где гуляет мусорный ветер, и попадает в мир, где светло, тепло и уютно, в отличие от страшного мира наверху – только воздуха нет. Поняв это, герой, вновь обдирая кожу, выбирается обратно. «Маканину нужна была очень понятная мне и сейчас иносказательность – возможно, рассказ даже более актуален сегодня, чем в 1991 году, когда он был опубликован», - отмечает Наталья Иванова. И продолжает: «Язык постсоветской художественной литературы иной, он легкий, он понятен всем. Даже при наполнении текста новыми прогрессивными идеями для него характерны нарратив повседневности, ограниченность лексического состава, несложный синтаксис, использование советских мемов, коллективной культурной советской памяти». Такой литературы тоже много, «начиная с Виктора Пелевина, который весь выстроен на такого рода приемах» (его новый роман «Круть» только что вышел в свет), в отличие от «Михаила Шишкина, все романы которого написаны совершенно иначе». При этом в аллегорической книге Пелевина «Жизнь насекомых» все «описываемые проблемы общества шифруются, чтобы, на мой взгляд, усилить художественное эхо, чтобы текст не воспринимался только как однодневка».

Назывались в аудитории UNIGE имена Марии Степановой и ее исполненного смыслов романа «Фокус», Владимира Сорокина с его удивительно богатой стилистикой, Дениса Гуцко с его романом «Русскоговорящий», Романа Сенчина с его достаточно прямолинейным, бесхитростным языком, поэтов Сергея Гандлевского, Михаила Айзенберга и Юрия Гуголева...

«Фиксация отчаяния в эзоповом языке, которым все сказано, но ничего не названо прямо, более художественно действенна, чем прямое публицистическое слово в прозе», - делится личным мнением Наталья Борисовна Иванова. И делает очень личное признание: «Писать или не писать? И если писать, о чем и как? Лично я поняла, что, после определенного дня я больше не могу писать литературную критику, рецензии, размышлять о роли того или иного жанра. Начала думать о том, что великие переживали времена еще более темные и трудные, чем сегодня, и обратилась еще раз к их наследию – к дневникам и письмам Бориса Пастернака, Анны Ахматовой, Ольги Фрейденберг, мемуарам Надежды Мандельштам, к переписке Льва Гумилева и Эммы Герштейн, к воспоминаниям Исайи Берлина. Обратилась, переменив жанр и спросив их: мне нужно было с кем-то посоветоваться. Это помогает выжить в эпоху расцвета жанра доноса, сохранить веру в то, что все преходящее пройдет, а самое главное останется, как осталось их наследие».

Стоит ли расшифровывать, о каком «определенном дне» идет речь, или и так понятно?

От редакции: Результаты совещаний Натальи Ивановой с великими скоро выйдут книгой, и мы очень надеемся, что нам удастся представить их в Женеве. А пока – следите за нашими публикациями и анонсами, чтобы не пропустить что-то интересное!

русская литература в Швейцарии

Source URL: *https://rusaccent.ch/blogpost/le-silence-nest-pas-toujours-un-signe-daccord*